

БЕЛГРАДСКИЙ национальный театр показал на недавних гастролях в Москве два спектакля: «Госпожу министершу» Нушича и «Зимнюю сказку» Шекспира.

Спектакли эти различны, и различие их естественно: Нушич требовал выбора неизбежно иных сценических красок, иного подхода, чем Шекспир. На драматургическое различие спроецировалась еще и разница режиссерских индивидуальностей: «Госпожу министершу» поставил Брандла Борзан, «Зимнюю сказку» — английский режиссер Клиффорд Уильямс.

«Госпожа министерша» прекрасно знакома нашему зрителю, она успешно шла у нас на многих сценах, столичных и периферийных. Тем интереснее было увидеть эту яркую, острую комедию в постановке югославского коллектива.

Прежде всего надо сказать, что театр подошел к событиям пьесы, как к материалу предельно жизненному, чуждому насильственного сатирического преувеличения. Недолгая история внезапного возвышения Живки со всеми его последствиями, на первый взгляд гротесковыми, здесь реальна и подлинна. Она органично вытекает из характера Живки, такого, каким его демонстрирует нам актриса Любинка Бобич, создающая образ женщины простой и сметливой, наделенной громадной энергией и жадной преуспеяния, тем более сильной и деформированной, чем труднее даются ей самые обычные, необходимые блага. Это прозябание на грани нужды выработало в Живке целостность и гибкость, отсутствие нравственной брезгливости, затаенную властность. Став «госпожей мини-

стершей», Живка словно отсекает всю свою прошлую жизнь с ее кругом повседневных забот, необходимостью зависеть от капризов детей и служаи, унижаться перед родственниками, томиться завистью к тем, кто преуспел. Теперь все вокруг нее должно преобразиться, мгновенно стать другим: и дом (это относительно просто), и муж дочери (тут задана уже сложнее), и она сама. Показывая комичнейшие — из-за полного непонимания Живкой природы своего поведения — события в доме министра, театр раскрывает остроумно и зло всемогущие Нушичем представление о власти, как о способе личного преуспеяния.

Если в первом спектакле дом госпожи министерши, воспроизведенный на сцене (художник Миомир Денич), — это вполне реально обитаемый дом, где вещи красноречивы, как люди, и отражают характер перемен в их судьбе и где можно легко представить обычное течение дня, то в «Зимней сказке» сцена пуста и открыта, она свободна от власти вещей, как это и было во времена Шекспира. Но пустота сцены — модернизированная пустота, потому что знаки, несущие информацию о месте действия, — не чуждые наплывы «Глобуса», они сформированы духом современной скульптуры (художник Душан Ристиц).

На свободную сцену, сверху до низу затанутую в светлое, выходят герои в тяжелых костюмах, они выглядят торжественно и объемно, гибнущие с плавной несуетливостью, подчиняясь движению возникшей будто из ничего и неотвратимо ра-

стущей, как туча в грозу, трагической ситуации. От подчеркнуто улыбчивого общения вельмож, которым начался спектакль, через легкую тень сомнения на лице Леонта, короля Сицилии (его играет Милош Жутич), к яростной вспышке неоправданной ревности, мгновенно обрушившейся как будто устойчивый мир. Тайные и внезапные силы зла, укравшиеся в душе короля, ирсут гибель невинным, неправый суд в ослеплении, атрофию мысли, не пытающейся пробиться сквозь мнимую логику подозрений. Леонт — сродоточие зла и его орудие, зарвавшийся и неостановимый — сталкивается с другим, добрым началом пьесы, с достоинством человеческого личности, со стойкостью в страдании, верностью в дружбе и любви, бесстрашием в защите невинных. Это противостояние — главное в спектакле. Оно отражает остроту проблем современного мира, жесткость требований, предъявляемых им к человеку.

Режиссер как бы оставил в стороне фантастические, сказочные элементы стилистически сбивчивой, нелегкой для сцены пьесы Шекспира, сделал их едва ощутимыми. Тем самым он обнажил столкновение зла и добра, разработав моменты, где столкновение это предельно. Поэтому самая сильная сцена спектакля — сцена суда, где обоглащенная Гермiona произносит свой монолог. Актриса Ксения Иванович придает Гермионе твердость и женственность, ищет опору в контрасте внешней поруганности и беззащитности с высоким нравственным превосходством жертвы над палачом. Ее декламация, проникнутая единым чувством правды, в то же время тепла, человечна, богата оттенками.

Актриса передает непреклонность и страх, любовь к Леонту и возникшее отчуждение, она — женщина, со всей мерой выпавших ей на долю страданий, и человек, отстаивающий идею справедливости, соответствующую не с одной лишь своей судьбой. Гермiona, как мне кажется, наиболее удавшийся образ спектакля, так же, как и верная Паулина, которую Мира Ступица играет с легким налетом характерности, показывая натуру более земную, чем Гермiona, но не менее сильную. Интересна, мягка, полна достоинства, угадываемой глубины Утрата, дочь Леонта, в исполнении Бранки Пешич. Она воплощает романтическое начало пьесы с простой, тихой естественностью.

С этими персонажами сказки — в тесном переплетении жизненных судеб, в экстравагантном сочетании высокого и смешного — соседствуют персонажи иного плана. Им не дано пышных, тяжелых костюмов, их удел — рубашка, затрепанная и выгоревшая, едва прикрывшие тело. Этот мир должен отгнать высокое, романтическое в пьесе, бросить на него свои грубые блики, придав тем самым происходящему большую смысловую и сюжетную емкость. Центр этого мира — бродяга Автолик (его увлеченно играет известный комический актер Мия Алекич). Но надо сказать, что сведение двух миров пьесы не вполне удалось режиссеру.

Показав две столь разные пьесы, Национальный театр продемонстрировал многообразие присущих ему возможностей. Будем надеяться, что он подтвердит это и при следующей встрече.

К. ТИМОФЕЕВА.